

Влада Ночь Вера Добрая

ВКУС ТВОЕГО СТРАХА

18+

Вера Добрая

Вкус твоего страха

«Автор»

2026

Добрая В.

Вкус твоего страха / В. Добрая — «Автор», 2026

Эдриан Морро — вампир-эмпат, питающийся человеческими эмоциями. За два столетия он ни разу не нарушал главное правило: не пить клиентов. Но Лиса Ветрова — особый случай. Её страх пахнет тёмным шоколадом и дымом, и с каждым сеансом Эдриан всё глубже погружается в зависимость, из которой нет выхода. Потому что Лиса не просто пациентка, а нексус, редчайший медиум, впитывающий чужие смерти. Её дар может стать оружием в руках вампирского клана или убить её саму. И единственный, кто способен её защитить, — тот, кто сам представляет для неё самую большую опасность. Эта история о любви, которая длится двести лет. О страхе, который становится зависимостью. И о сложном выборе между жизнью и бессмертием.

© Добрая В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первый сеанс	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Влада Ночь, Вера Добрая

Вкус твоего страха

Глава 1. Первый сеанс

*Прежде чем встретить любовь, нужно перестать быть мёртвым,
а чтобы исцелиться, нужно заглянуть в самую тёмную часть себя*
Вера и Влада

Лиса

Лифт дёрнулся и замер.

Я застыла, вжавшись спиной в холодную зеркальную стену, и принялась считать. Раз, два, три — вдох. Четыре, пять, шесть — выдох. Семь, восемь, девять — не думать о том, что кабина висит между этажами, а над головой бетонная шахта в четырнадцать этажей. Десять. Одиннадцать. Двенадцать...

Лифт дёрнулся снова и пополз вверх.

Я выдохнула и разжала пальцы, мёртвой хваткой вцепившиеся в ремешок сумки. На ладони остались красные полосы — следы ногтей. Обычное утро вторника, обычная поездка в центр, а сердце колотилось так, словно я только что пробежала десять лестничных пролётов, спасаясь от кого-то невидимого. Или от чего-то, что не имело названия и не имело лица, но приходило каждую ночь — чёрной водой, смыкающейся над головой, и чужим ужасом, который не принадлежал мне, но почему-то жил во мне, пускал корни, ширился, занимал всё пространство, какое только мог найти.

Двери разъехались. Я вышла в коридор, стараясь не смотреть на своё отражение в зеркальной панели — знала, что увижу: бледное лицо, расширенные зрачки, прикушенную до крови губу. За год я успела изучить все стадии собственной паники лучше, чем иной студент-медик изучает симптомы профильной болезни. Только легче от этого не становилось.

Коридор был длинным, устланным серым ковровым покрытием, с рядом одинаковых дверей по обе стороны. Пахло чем-то неуловимо медицинским — не лекарствами, скорее антисептиком для рук и бумагой, — но без больничной стерильности. Скорее дорогой стоматологией. Или частной клиникой, где лечат то, что не принято показывать окружающим.

Я сверилась с адресом в телефоне — всё верно. Бизнес-центр «Мойка-плаза», пятый этаж, кабинет пятьсот двенадцать. Эдриан Моррб. Психотерапевт.

Имя я выговаривала про себя уже раз десять с того момента, как Яна скинула мне ссылку на его сайт. Эд-ри-ан. Красивое, редкое, какое-то старомодное.

На сайте было сказано, что он специализируется на тревожных расстройствах и панических атаках, имеет два высших образования и пятнадцатилетний стаж. Фотографии не было — только лаконичный текст на тёмном фоне и контактный номер.

Яна сказала, что он лучший в городе. «Правда, дорогой, — добавила она, поджав губы, — но тебе сейчас не до экономии, Лис, ты себя со стороны не видишь. Ты таешь».

Яна вообще любила драматизировать, но в этот раз, кажется, была права. За последний месяц я похудела на четыре килограмма, не высыпалась ни одной ночи и дважды вызывала скорую, потому что мне казалось, что сердце сейчас остановится. Оба раза кардиограмма была идеальной. Врач в приёмном покое посоветовал попить пустырник и меньше нервничать. Я швырнула рецепт в урну, не отходя от окошка регистратуры.

Я остановилась перед дверью с номером 512. Табличка — чёрная, с золотыми буквами: «Эдриан Морро. Психотерапевт-консультант». Ниже, более мелким шрифтом: «Приём по записи». Никаких регалий, никакого «кандидат наук» или «член ассоциации». Только имя и суть, что было странно. Обычно психотерапевты любят увешивать двери дипломами, как генералы — мундиры орденами.

Я помедлила, прислушиваясь к себе. Сердце всё ещё частило, но уже не так отчаянно. Вдох, выдох. Ничего страшного. Я просто иду к врачу. Обычному врачу, который лечит обычную болезнь. То, что эту болезнь не видно на рентгене, ничего не меняет. Паническое расстройство — такой же диагноз, как гастрит или мигрень. Я повторяла это себе каждое утро перед зеркалом, но пока что без особого успеха.

Я нажала на ручку. Дверь открылась легко, без скрипа — видимо, петли смазывали, и это было первым звоночком, который я пропустила мимо ушей.

Приёмная оказалась небольшой, но светлой. Мягкий диван вдоль стены, стеклянный журнальный столик с аккуратной стопкой журналов — не медицинских, а что-то про дизайн и архитектуру.

На стене — картина в серо-голубых тонах, абстракция, похожая на дождь. Или на слёзы. У окна — стойка с компьютером, за которой сидела секретарша — женщина лет пятидесяти в строгом сером костюме, с идеально уложенными волосами цвета соли с перцем. Она подняла на меня спокойные, ничего не выражающие глаза.

— Ветрова? — спросила она, не дожидаясь моего приветствия, и голос у неё был под стать внешности: сухой, деловой, без намёка на улыбку.

— Да, — сказала я, чувствуя, как пересохло горло. — На десять утра.

— Доктор Морро вас ждёт. Проходите. — Секретарша указала на дверь слева от стойки, обитую тёмной кожей. — Он в кабинете.

Я кивнула, сделала шаг вперёд и вдруг остановилась, поймав себя на странном ощущении: мне показалось, что воздух вокруг двери чуть холоднее, чем во всей приёмной. Словно за ней был сквозняк или что-то другое, о чем я точно не хотела думать. Я встряхнула головой, отгоняя дурацкую мысль, и толкнула дверь.

Кабинет оказался совсем не таким, как я ожидала.

Никакой кушетки и фрейдистского антуража. Большое панорамное окно, выходящее на канал, мягкий утренний свет, приглушённый полупрозрачными шторами. Вдоль стены расположились книжные стеллажи до потолка, уставленные томами в тёмных переплётках.

Письменный стол у окна — массивный, деревянный, с бронзовой лампой под старину. Два кресла друг напротив друга, разделённые низким чайным столиком, на котором не было ничего кроме коробки бумажных салфеток и графина с водой.

В воздухе витал странный запах: пряный, древесный, с нотками чего-то сладковатого, почти неуловимого. Сандал... Или что-то похожее. Запах, от которого почему-то хотелось закрыть глаза и сделать глубокий вдох.

И посреди всего этого стоял он.

Мужчина, которого я ожидала увидеть совсем другим. В моём воображении психотерапевт с пятнадцатилетним стажем был кем-то вроде пожилого профессора в очках и твидовом пиджаке. Этот же выглядел лет на тридцать два, может, тридцать четыре.

Высокий, выше меня на голову, с широкими плечами и узкими бёдрами — фигура, которую я скорее ожидала бы увидеть на подиуме или в балетном зале, но никак не в кабинете врача. Светло-русые волосы, зачёсанные назад, открывали высокий лоб с чёткими линиями скул. Одна прядь выбивалась и падала на лоб — он не поправлял её, словно не замечал.

Одет он был просто: светлая рубашка с закатанными до локтей рукавами, тёмные брюки, никакого галстука. На запястье — часы с кожаным ремешком. Ничего броского, ничего доро-

гого напоказ. Но при этом весь его облик дышал какой-то неуловимой породой, которую не купишь в ателье и не воспитаешь за одно поколение.

А лицо... Лицо было странным. Красивым, безусловно, красивым, до той грани, где красота уже кажется неестественной, но странным. Черты были резкими, почти хищными: высокие скулы, твёрдая линия челюсти, прямой нос с едва заметной горбинкой. Рот чётко очерченный, сжатый в вежливую полуулыбку, которая не затрагивала светло-серых глаз.

И когда этот мужчина посмотрел на меня — прямо, спокойно, без того оценивающего прищура, с каким обычно смотрят врачи на нового пациента, — мне вдруг стало не по себе. Не потому, что в его взгляде было что-то угрожающее. Наоборот. В нём не было ничего. Совсем. Так смотрят старые портреты в музеях — вроде бы на тебя, а вроде бы сквозь, в какую-то свою, давно ушедшую реальность.

— Доброе утро, — сказал он, и голос у него оказался низким, обволакивающим, с лёгкой вибрацией, от которой у меня почему-то побежали мурашки по предплечьям. — Лиса Ветрова, верно?

— Просто Лиса, — поправила, стараясь, чтобы мой голос звучал увереннее, чем я себя чувствовала. — Можно без отчества, я не настолько взрослая.

Доктор Морро чуть приподнял бровь — движение было мимолётным, но я его заметила и почему-то покраснела, как школьница, ляпнувшая глупость на уроке.

— Лиса, — повторил он, словно пробуя моё имя на вкус. — Редкое имя. Садитесь, пожалуйста. — Он указал на кресло. — Чувствуйте себя свободно. Это не допрос и не экзамен. Я здесь, чтобы слушать.

Я села в кресло, поставила сумку на пол у ног и сцепила пальцы на коленях. Кресло оказалось удобным, но не слишком мягким — ровно такое, чтобы не хотелось развалиться.

Доктор опустился в кресло напротив, не сводя с меня глаз, и я снова поймала это странное ощущение, которое появилось ещё в приёмной перед дверью: воздух вокруг него был холоднее. Немного, на какой-то градус, но моя кожа это чувствовала. Может быть, кондиционер или сквозняк от окна.

— Прежде чем мы начнём, — сказал он, — я хочу сразу обозначить формат нашей работы. То, что происходит в этом кабинете, не похоже на обычную беседу с врачом. Я не буду ставить вам диагнозы в привычном смысле слова. Не буду выписывать таблетки. Моя задача помочь вам найти источник вашего страха и понять, что с ним делать. Иногда для этого нужно просто разговаривать. Иногда делать определённые упражнения. Иногда возвращаться в прошлое, даже если это неприятно. Всё, что вы скажете здесь, останется между нами. Вы можете встать и уйти в любой момент. Так же вы можете отказаться отвечать на любой мой вопрос. Вам всё понятно?

Я кивнула. Его голос действовал на меня странно: он успокаивал, но не усыплял, а словно окутывал, как тёплый плед, и при этом в нём была какая-то скрытая вибрация, которую я чувствовала не столько слухом, сколько чем-то другим. Кожей, возможно. Или, может, тем самым непонятным даром, о котором я никогда никому не рассказывала.

— Тогда начнём с простого, — продолжил Эдриан, чуть откидываясь в кресле. — Расскажите, что привело вас ко мне. Не то, что написано в направлении от невролога, а то, что чувствуете вы сами. Своими словами.

Я набрала в легкие побольше воздуха, собираясь ответить что-то заранее заготовленное — про панические атаки, про метро, про скорые по ночам, — но вдруг осеклась, потому что в этот самый момент поймала его взгляд и поняла: он не слушает, а смотрит. Не на моё лицо, не на мою одежду, не на то, как я нервно тереблю ремешок сумки. Он смотрит куда-то глубже, туда, куда обычно никто не заглядывает. И от этого взгляда все заготовленные слова вылетели у меня из головы, оставив только правду. Голую, неудобную, давно запрятанную правду.

— Мне страшно, — тихо произнесла я, и мой голос дрогнул. — Всё время страшно. Даже когда ничего не происходит. Или когда я дома, в безопасности, в своей постели, под одеялом. Я просыпаюсь ночью от того, что не могу дышать. Мне снится один и тот же сон о том, будто я тону в чёрной воде, и вокруг меня лица, мёртвые лица, и они смотрят, и я знаю, что это не мои лица, не мои смерти, но они... они внутри меня. И я не могу их вытащить.

Я замолчала, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Нет, только не это. Я ненавидела плакать при чужих людях. А он был чужим — посторонним, незнакомым мужчиной, которому я просто заплатила деньги за то, чтобы он меня выслушал. Но слёзы уже стояли в горле, и я замолчала, чтобы не сорваться.

Эдриан не отвёл взгляд. Не полез за салфетками и не забормотал дежурных утешений. Он просто сидел и смотрел на меня, и в его серебряных глазах появилось что-то новое — не сочувствие, нет, скорее интерес. Глубокий, острый, почти голодный интерес, который промелькнул и исчез так быстро, что я списала его на игру света.

— Чёрная вода, — повторил он задумчиво. — И лица. Вы видите их отчётливо?

— Нет, — покачала я головой. — Они размытые. Как будто под водой, но я знаю, что они мёртвые. Я чувствую это.

— Что именно вы чувствуете?

— Их... страх. Боль. Ужас. Как будто я сама умираю вместе с ними, только не своей смертью, а чужой. Как будто я впитываю всё это, как губка, а потом ношу в себе и не могу избавиться.

Он помолчал, и я снова заметила эту странность: жилка на его виске запульсировала, а зрачки, кажется, стали чуть шире. Или мне показалось, ведь свет в кабинете был мягким, а шторы — полупрозрачными, но в этот момент мне вдруг почудилось, что его глаза потемнели. Совсем чуть-чуть, на какую-то долю секунды.

— А давно это началось? — спросил он ровным, бесстрастным голосом врача. — Сны, страхи, ощущение чужих эмоций?

— Год назад. Может, чуть больше. Но раньше было слабее, а теперь... — я замялась, подбирая слова. — Теперь мне кажется, что я схожу с ума.

— Вы не сходите с ума, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая уверенность, что я почти поверила. — Ваш разум в полном порядке. Проблема не в нём.

— А в чём?

Морро не ответил сразу. Вместо этого чуть наклонился вперёд, и я снова ощутила этот запах — сандал, что-то ещё, что-то неуловимо пряное и холодное одновременно.

— Давайте попробуем небольшое упражнение, — вместо ответа предложил мужчина. — Закройте глаза.

Я заколебалась. Закрывать глаза перед незнакомым человеком, пусть даже врачом, мне совсем не хотелось. Но что-то в его голосе или в этом запахе, или в самом воздухе кабинета заставило меня подчиниться. Я закрыла глаза и откинулась на спинку кресла.

— Теперь представьте себе этот сон, — проговорил он. — Чёрную воду. Только на этот раз вы не тонете. Вы стоите на берегу и смотрите на неё. Получается?

Я попыталась. Обычно, когда я пыталась думать о сне, меня тут же накрывало паникой — сердце начинало колотиться, ладони потели, дыхание сбивалось. Но сейчас, в этом кресле, под этот голос, всё было иначе. Я действительно увидела берег. Чёрная вода была спокойной, почти зеркальной. Никаких лиц, никакого ужаса. Только вода и смутная мужская фигура на противоположном берегу.

— Получается, — прошептала я. — Там кто-то есть.

— Кто?

— Мужчина. Я не вижу лица. Он стоит на том берегу.

— Он пугает вас?

Я прислушалась к себе. Странно, но — нет.

— Нет. Он... ждёт.

В кабинете повисла тишина, и я вдруг поняла, что страх, который душил меня всё утро, который сжимал горло в лифте и холодил пальцы на подходе к бизнес-центру, исчез. Совсем. Как будто кто-то открыл клапан и спустил давление. Я чувствовала себя лёгкой, пустой, почти невесомой. Такого не было уже много месяцев.

— Открывайте глаза, — сказал доктор, и я подчинилась.

Эдриан Морро сидел напротив и смотрел на меня, но что-то в нём изменилось. Я не сразу поняла, что именно. А когда поняла, внутри у меня всё похолодело.

Он был бледен. Не просто бледен, а бел, как полотно. На лбу выступила испарина, жилка на виске пульсировала часто-часто, а зрачки — теперь я видела это отчётливо — заполнили почти всю радужку, оставив лишь тонкий серый ободок. Мужчина смотрел на меня так, словно я была не пациенткой, а чем-то совершенно иным. Чем-то, чего он давно ждал и боялся одновременно.

— Что вы сделали? — спросила я, и мой голос прозвучал резче, чем мне хотелось. — Со мной что-то сделали? Мне стало легче. Как?

Он моргнул, и наваждение исчезло. Лицо разгладилось, зрачки сузились до нормального размера, лёгкая полуулыбка вернулась на губы. Только бледность никуда не делась, и жилка на виске всё ещё пульсировала.

— Ничего особенного, — ответил Эдриан, и голос его был всё тем же — спокойным, обволакивающим, профессиональным. — Простая релаксационная техника. Вы хорошо поддаётесь.

— Но я чувствую...

— Лёгкость? — перебил он. — Это нормально. Так бывает после первого сеанса. Организм реагирует на расслабление.

Я прищурилась. Что-то здесь было не так. Я не знала что, но чувствовала это — тем самым непонятным чутьём, которое никогда меня не обманывало. Доктор Морро что-то скрывал. Что-то важное.

— На сегодня достаточно, — произнес он, поднимаясь с кресла, и движения у него были плавными, текучими — так двигаются танцоры или хищники. — Я запишу вас на следующий приём. Вы свободны в пятницу?

— Да, — пробормотала я растерянно. — В пятницу я свободна.

— Отлично. Секретарь согласует с вами время.

Мужчина протянул мне руку для прощания, и я машинально её пожала. Его ладонь оказалась сухой и прохладной. Очень прохладной, почти холодной, как у человека, который только что зашёл с мороза. Хотя за окном был ноябрь, в кабинете было тепло. Даже слишком тепло для ноября.

Я вышла из кабинета, чувствуя себя странно. Лёгкость никуда не делась, мне действительно было лучше, намного лучше, чем утром. Но вместе с облегчением внутри поселилась смутная тревога. Не та паника, что накатывала в метро, а другая — тихая, холодная, похожая на предчувствие.

В приёмной секретарша записала меня на пятницу, на десять утра. Я кивнула, взяла карточку с подтверждением и направилась к лифту. Уже в коридоре, дожидаясь, пока зажётся кнопка вызова, я вдруг остановилась. В памяти всплыла одна деталь, которую я вначале пропустила мимо сознания, но которая теперь всплыла и засела занозой.

В кабинете, у двери, висело большое зеркало в тёмной раме.

И когда Эдриан Морро провожал меня до выхода, он прошёл мимо него.

Я вспомнила это отчётливо: он прошёл мимо зеркала, и в зеркале никого не было. Только я — бледная, с прикушенной губой и всё ещё влажными от непролитых слёз глазами. И пустота рядом со мной. Никакого отражения. Никакого доктора Морро.

Лифт пришёл, двери разъехались, и я шагнула внутрь. Только когда кабина тронулась и поползла вниз, я сказала себе: показалось. Освещение. Угол. Игра света. У меня был тяжёлый приступ паники утром, я не выспалась, я перенервничала, поэтому неудивительно, что мерещится всякое.

Но когда я вышла на улицу, под серое ноябрьское небо, и вдохнула холодный воздух, от которого запершило в горле, я поймала себя на том, что уже жду пятницы.

И дело было не только в том, что мне впервые за долгое время стало легче. Дело было в нём. В этом странном человеке с серебряными глазами и холодными руками. В его голосе, который окутывал, как тёплый плед. В его запахе — сандал и что-то ещё. В том, как он смотрел на меня, когда думал, что я не вижу.

Я хотела снова его увидеть.

И это пугало меня сильнее, чем все панические атаки вместе взятые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.